

КОНСТРУИРОВАНИЕ ПЕРСОНАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА В КОНТЕКСТЕ СОЦИАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ (НА ПРИМЕРЕ ИНТЕРЬЕРА)*

Статья посвящена проблеме конструирования персонального пространства в современных интерьерах и специфике отражения в них пространства личности. Авторы анализируют личностные параметры окружающих человека вещей и их зависимость от культурно-исторических и индивидуально-психологических факторов. Особое внимание в статье уделяется семиотическому анализу идеологической и ценностной составляющей интерьера, а также вещей, которые связаны с обозначением «личного времени» и являются материализованной историей личного жизненного опыта.

Ключевые слова: социальное пространство, пространство личности, социокультурное конструирование, современный интерьер, вещь в социокультурных контекстах, семиотика вещи.

Индивидуально-личностная подоплека трансформации социального пространства наиболее отчетливо проявляется в персонально маркированном пространстве дома (Хейдметс 1988; Разова 2002; Козырьков 2006; Стабина 2010; Слепцова 2011 и др.). Отметим, что хотя в последние десятилетия внимание ряда зарубежных и отечественных исследователей неоднократно привлекала семантика жилых интерьеров в разных социальных и историко-культурных контекстах (Бодрийяр 1999; Соколова, Орлова 1982; Тьдман 2000; Беловинский 2002; Разумова 2001; Махлина 2012; и др.), сохраняется необходимость ее дальнейшего изучения. В данной работе предметом нашего рассмотрения является анализ *личностных проявлений* в современном интерьере и в наполняющих дом вещах, проявлений, которые могут нести разную эмоциональную, эстетическую, ценностную или идеологическую нагрузку.

При описании способов взаимодействия индивида с жилой средой чаще всего используются понятия *психологическое* и *социально-психологическое пространство*. Причем *психологическое пространство* определяется как «комплекс физических, социальных и чисто психологических явлений, с которым человек

* Работа выполнена в рамках тем НИР ИЭА РАН «Кросс-культурный анализ моделей толерантности и базовых ценностей культуры в современном обществе» и «Русские в XX–XXI вв. Сохранение и развитие народных традиций».

Морозов Игорь Алексеевич — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН (mianov@gambler.ru)

Кызласова (Слепцова) Ирина Семеновна — старший научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН (I_Kyzlasova@mail.ru)

себя отождествляет (территория, личные предметы, социальные привязанности, установки)» (Нартова-Бочавер 2005: 98), а «*социально-психологическое пространство* является частным случаем психологического, и оно образовано объектами, обязательно имеющими социальную природу» (Журавлев, Купрейченко 2012: 13).

В нашем анализе мы оперируем понятием *пространства личности*, которое близко к понятию *жизненное пространство*, введенному в научный оборот в первой трети XX в. (Левин 2000; Шкуратова 2007), и под которым мы понимаем *совокупность личного опыта*, помогающего индивиду адекватно воспринимать окружающую реальность, адаптироваться в ней и, при необходимости, конструировать персональное пространство в соответствии со своими вкусами, привычками и интересами (Морозов, Слепцова 2009). Необходимо выделение **двух составляющих пространства личности** (а, следовательно, и личного опыта): *культурно-исторической*, определяемой стилем и духом данной эпохи (в том числе модой), и *индивидуально-психологической*, связанной с психическими качествами и установками данного индивида, сформировавшимися в процессе его жизнедеятельности, и его *биологическими* особенностями (темперамент, восприимчивость, эмоциональность, пол, возраст и т. п.). Обращаясь к анализу личности и *лично опыта*, мы неизбежно акцентируем внимание на индивидуально-психологических чертах, которые обуславливают специфические, неповторимые формы поведения и взаимодействия с окружающим миром, характерные для конкретного человека и проекций его «пространства личности».

Мы сосредоточимся на *способах репрезентации пространства личности* в пространстве дома. Одним из материальных отражений пространства личности являются принципы оформления и заполнения домашних интерьеров, присутствие в них лично значимых и индивидуально маркированных предметов (от домашних реликвий до сувениров), а также вещей, символизирующих ценностные и мировоззренческие доминанты данной личности (от икон до портретов вождей). Наша задача заключается не в изучении вещей самих по себе (их истории, моды, семантики), а в выяснении *отношения* к ним индивида и описании *взаимоотношений индивидов по поводу вещей*. В конечном счете мы хотим найти ответы на вопросы: что видит за вещь человек и какое значение имеет личный жизненный опыт при взаимодействии с вещью?

Специфика отражения пространства личности в интерьере

Особое значение для пространства личности в его внешних проявлениях имеет закрепленное за индивидом приватное пространство, в котором он осуществляет свою жизнедеятельность. Здесь уместно указать на тот факт, что оформление интерьера имеет много общего с костюмом. Их сближает, например, высокая степень конвенциональности. Как внешний вид, так и оформление жилого пространства обладают повышенной знаковостью, они ориентированы на прочтение социумом той информации, которую желает о себе сообщить его владелец. Выбирая тот или иной стиль в обустройстве интерьера или в одежде, индивид таким способом сообщает обществу о том, что принадлежит к той или иной социальной группе и разделяет характерные для нее морально-этиче-

ские нормы и эстетические предпочтения. Интерьер, как и одежда, также склонен трансформироваться в соответствии с модными тенденциями, вбирая лишь внешние признаки новизны, и поэтому может быть способом социальной мимикрии.

Вместе с тем и в одежде, и в интерьере всегда можно выделить элементы, обусловленные индивидуально-личностными предпочтениями. Даже жестко детерминированный традицией свадебный или погребальный костюм обязательно имеет индивидуальные отличия, обусловленные как конкретной ситуацией (социальным статусом, материальным положением, этнической принадлежностью), так и пожеланиями и вкусами индивида.

«Консерватизм» одежды отличается от «консерватизма» интерьера еще и тем, что одежда отражает скорее *персональные* характеристики, т. е. тот идеологический и этический посыл, который личность *открыто* предъявляет окружающим, прежде всего своей референтной группе. В интерьере, который имеет более «интимный» и менее публичный характер, эти послы отражают более глубокие личностные убеждения и установки, составляющие основу сокровенного «Я». Поэтому оформление комнат имеет другой уровень символизма, носит характер зашифрованных знаков и символов. В первую очередь, это, конечно, относится к «своим» комнатам, где человек проводит большую часть «личного», «интимного» времени (рабочий кабинет, детская, будуар и т. п.). В этом смысле можно говорить о разном статусе различных частей жилища по отношению к пространству личности, что необходимо учитывать при его анализе. Понятно, что общие комнаты — прихожая, гостиная (зал), столовая — несут на себе отпечаток «личностных карт» всех членов семьи. Хотя, как правило, доминирующими являются предпочтения и установки хозяев дома (обычно представленных старшим поколением), в некоторых случаях — и это каждый раз требует особого исследования — интерьер общих комнат может определяться вкусовыми предпочтениями представителей младшего поколения (детей и внуков). Иногда это приводит к причудливому смешению в одном интерьере разных стилей, и тогда можно говорить о «материализации» процесса культурных преобразований, совершающихся в рамках отдельно взятой семьи.

Исследование особенностей оформления комнат, закрепленных за отдельными членами семьи, заставляет обратить внимание на другой важный аспект репрезентации пространства личности в интерьере — на проявления ее «закрытости / открытости». Как известно, приватное пространство в русской культуре в массовом порядке начинает выделяться в виде будуаров и кабинетов с начала XIX в. И одной из первых и главных границ, выделявших эти комнаты из общего пространства дома, стало ограничение в них доступа, т. е. маркирование по признаку «закрытости / открытости». И.П. Кулакова приводит множество примеров из мемуарной и художественной литературы XIX в., свидетельствующих о запрете входить без разрешения в кабинет хозяина или хозяйки дома (отца семейства, бабушки) не только посторонним лицам, но даже членам семьи — детям и женам (Кулакова 2008).

Конечно, в современных стандартных городских квартирах выделение особого приватного пространства даже для старших членов семьи обычно затруд-

нено. Более того, при возможности выделения отдельной комнаты предпочтении обычно отдается детям. «Детская» в современном стандартном жилище встречается гораздо чаще, чем «кабинет» и даже «будуар» (взрослые часто спят в общей комнате). Поэтому наиболее яркие проявления приватности обнаруживаются именно в личных комнатах детей и подростков (Щеглова 2003). Индивидуальность проявляется и в жилом пространстве одиноких пожилых людей, которые обычно тщательно следят за тем, чтобы интерьеры их дома или квартиры не изменялись.

Интерьер, создаваемый индивидом, отражает его личные предпочтения в рамках общих модных тенденций своего времени (Бартенев, Батажкова 2000; Демиденко 2000). Следование моде «удовлетворяет потребности в социальной опоре», поскольку индивид таким образом демонстрирует, с одной стороны, «присоединение к равным по положению», а с другой — «отъединение этой группы от ниже ее стоящих» (Зиммель 1996: 268–269). При этом перестраивается сама структура личности, изменяются ее ценностные установки «параллельно с изменением социальных и межличностных структур» (Бодрийяр 1999: 25).

В отношении оформления интерьера можно говорить о некоей исторической специфике. Например, в допромышленную эпоху *личный выбор* был ограничен рамками традиции и на него очень большое влияние оказывало общественное мнение. Оформление интерьера определялось принадлежностью к той или иной социокультурной (столичное или провинциальное дворянство, купечество, мещанство, крестьянство), возрастной, этнической группе.

Личностные параметры вещи

Пространство личности — это динамическая составляющая личного опыта, и его характерной особенностью является то, что оно разворачивается в истории. При этом имеется в виду не только *личная история* как совокупность собственного жизненного опыта, но и родовая история и история социума, которые напрямую связаны с памятью. А память, в свою очередь, — это важный личностный биосоциальный параметр, помогающий индивиду выстраивать реалистичные жизненные стратегии, соотнося их со знанием социальной среды и предписываемых ею установлений и законов, а также социальным статусом — как личным, так и семейным («родовым»). В этом смысле память непосредственно соотносится с опытом, позволяя аккумулировать не только личные знания, но и то, что накоплено предшествующими поколениями. Материальным воплощением этого опыта и его символической репрезентацией могут быть семейные реликвии, занимающие важное место в интерьере (Разумова 2001: 147–161).

При анализе пространственной «материализации» личности наиболее эффективен метод структурно-семиотического анализа, при котором личностные проявления исследуются на уровне предметных кодов: иконические предметы, символические предметы, предметы-индексы (Пирс 2000). При этом наиболее корректно говорить о непрерывной «шкале иконичности», на одном полюсе которой находятся подобию объектов, предельно похожие на них, а на другом — совершенно условные «знаки-символы» (Моррис 2001: 45–97; 129–143). Каж-

дый предмет в зависимости от ситуации или социокультурных параметров интерпретатора может смещаться по данной шкале и наделяться разными дополнительными значениями. Например, семейные фотографии по-разному осмысляются человеком в зависимости от нескольких факторов (Нуркова 2006: 47–53, 93–100, 137, 182–187; Богданова 2012). Наибольшей степенью иконичности будут обладать те из них, на которых изображены либо сами люди, либо их близкие родственники, причем на изменение параметров иконичности непосредственное влияние оказывают временные и пространственные параметры. Фотографии давно умерших членов семьи или тех, кто находится в продолжительной отлучке, со временем обретают черты предметов-индексов, т. е. все в большей мере соотносятся не с конкретными личностями, а скорее с тем социально-культурным контекстом, который скрывается за ними. Такие фотографии постепенно становятся своеобразным мерилom социальности и идентичности, помогая человеку осознавать свою вписанность в социально-культурный контекст, соотносить себя с определенными социовозрастными группами и социальными стратами. С течением времени, превращаясь в реликвию, фотография может стать предметом-символом, сконцентрировавшим в себе семейные ценности и доблести, например, осознание принадлежности к аристократическому роду или родства с выдающимися личностями.

Каждая вещь, если рассматривать ее по отношению к ее хозяину-обладателю, лично окрашена, отражает особенности эстетических предпочтений данного индивида, символизирует его стремление обозначить свою принадлежность к определенной социальной прослойке или группе (например, как маркер успешности и богатства), а возможно, и лидерство в ней. Вместе с тем вещь может быть «старой» в смысле накопления опыта обращения и «общения» с ней, определенного эмоционально-чувственного опыта, ассоциирующегося с ее употреблением. В контексте личной и «родовой» памяти такая вещь может приобретать различные символические значения, становиться семейной реликвией и ценностью. Аксиология вещи в данном случае не обязательно совпадает с ценностной шкалой ее обладателя, но именно при их взаимодействии проявляются важные особенности пространства личности. Более того, именно это и является причиной формирования некоторых его существенных свойств.

Современные вещи по-прежнему символичны и остаются «текстом» как «для других», т. е. для межличностной коммуникации, так и «для себя», т. е. для самокоммуникации. Современный интерьер в своих массовых формах формируется под сильным влиянием поведенческих моделей, которые транслирует широкому слою потребителей при помощи средств массовой информации и рекламы новый социальный слой, включающий в себя представителей шоу-бизнеса, артистов, спортсменов, отчасти политиков и др., — всех тех, чья деятельность и успех тесно связаны с публичностью. В силу того, что в социально-стратифицированном обществе обладание теми или иными вещами является показателем статуса индивида, знаком его престижа, наблюдается процесс подражания стилю жизни элиты, который отражает стремление к вхождению в более высокую социальную группу.

В качестве «символов высокого знатного положения», знаков «новой идентичности» и высоких экономических и властных позиций в современных интерьерах «новых русских» часто используются различные раритетные, коллекционные и антикварные вещи, обладание которыми идентично присвоению историй их прежних владельцев (Шпаковская 2000).

Идеологическая и ценностная составляющая интерьера

Многие вещи — иконы, портреты, бюсты вождей, награды — свидетельствуют об особенностях мировоззренческих позиций личности. В этом смысле можно говорить об их идеологической составляющей. Так, использование в традиционных интерьерах картин с религиозными сюжетами и с изображением царской семьи являлось отражением православно-монархических настроений крестьян. Современными аналогами этих композиций являются инкорпорированные в интерьер портреты политических лидеров и вождей: Ленина, Сталина, Брежнева, Путина. Как правило, это тесно связано с политическими предпочтениями и убеждениями индивида. Рассмотрим два примера из наших полевых материалов.

В с. Карсун Ульяновской обл. в доме Ю.И. Карсунцевой (1908 г. р.), жены местного партийного функционера, бывшей комсомольской и партийной активистки, мы обнаружили портрет Ленина, размещенный в красном углу (рис. 1).

В интерьере были и другие его изображения: постеры и календари. На этом фоне несколько контрастно выглядел небольшой бюст Ленина с висящим на нем православным крестиком. На просьбу прокомментировать сочетание православной и советской атрибутики, хозяйка дома заявила, что считает Ленина святым и сопоставила его с Иисусом Христом. *«Я душой Ленину верю. <...> Вон у меня там висит [портрет Ленина в красном углу]. А что, Ленин разве не крещеный? Он также крещеный, так же молился, так же учился. Это уже мы, современный люд, обкакали Ленина. <...> Я не ношу крестик. Я боюсь! Крестик носить, надо бы его выполнять! Спрятать я его не хочу, а я повесила Ленину. <...> Ленин сколько спас людей! Вот. Конечно, Ленин святой! Святей быть некуда! Иван Грозный — святой! Ленин святой! Те, кто делали людям добро, то все святые. А Николай? Почему он, когда посмотрел в окно — народ стоит, пришел помилование просить, он не нашел слова сказать. “Расстреляйте их! Почему? <...> Ленин пошел по пути Христа! Вот не знаю я, куда дела газету. [Там] пишут: “Как-то иностранец ходил по ленинским местам. К Ленину зашел в кабинет — а него лежит Евангель [открыт] как раз там, [где описано], как воспитывался Иисус Христос. И он [Ленин] пошел по его стопам”...»* (И.А. Морозов, личный архив, 2002).

Символы «истинных ценностей», в качестве которых выступали как портреты, бюсты и газетные вырезки с изображением Ленина, так и православная атрибутика, усиливавшая, в понимании Юлии Ивановны, апотропейные функции Ленина-«святого», помогали очертить границы автономного личного пространства, противопоставленного внешнему миру «продажной капиталистической действительности». Аналогичные функции присущи размещаемым на стенах изображениям любимых героев книг, кинофильмов, телесериалов и т. п.

*Рис. 1. В доме у Ю.И. Карсунцевой (с. Карсун Ульяновской обл.).
Фото И.А. Морозова (2002)*

Репрезентации пространства личности в интерьерах такого типа являются отражением целиком замкнутого на себя сознания с чертами аутизма, стремящегося минимизировать контакты с окружающим миром. Этот тип личности наиболее характерен для подростков и стариков.

Портрет Ленина в красном углу или в окружении семейных фотографий на стене, т. е. в своеобразном семейном реликварии, объясняется тем, что этот locus в традиционном быту обладал сакральными функциями и использовался для хранения важнейших обрядовых, семейных и личных артефактов. Красному углу присущи мемориальные функции, поскольку в народных представлениях именно он часто является местом обитания домашних духов и «духов предков». Это, в частности, проявлялось в различных символических манипуляциях в этом сакральном локусе при совершении важнейших обрядов кален-

дарного и семейного циклов (вывешивание полотенец, ленточек, кукол в красном углу при свадьбе, похоронах, проводах рекрутов, использование красного угла при гаданиях, лечении болезней и т. п.). Помещенная в красный угол вещь естественным образом наделяется свойствами сакральности и со временем начинает осмысляться как сакральный артефакт.

Обратим внимание на подвижность границ иконичности, которая в полной мере проявляется в описанном нами интерьере Ю.И. Карсунцевой. Согласно мысли Умберто Эко, «иконические знаки воспроизводят некоторые условия восприятия объекта, но после отбора, осуществленного на основе кода узнавания, и согласования их с имеющимся репертуаром графических конвенций, конкретный знак произвольно обозначает какое-то конкретное условие восприятия или же их совокупность, редуцированную к упрощенному графическому образу» (Эко 1998: 128). Очевидно, что внешний наблюдатель, в данном случае собиратель-этнограф, склонен расценивать многочисленные изображения Ленина в доме Ю.И. Карсунцевой как символы-индексы, свидетельствующие о ее принадлежности к определенной идеологической среде и определенной исторической эпохе, т. е. данные вещи для внешнего наблюдателя имеют скорее классифицирующее значение. Для самой Юлии Ивановны эти вещи наполнены не только глубоким идеологическим смыслом и выражают ее искренние убеждения и ценностные приоритеты, но и имеют высокую сакральную ценность (почему она и сравнивает Ленина с Иисусом Христом), являясь для нее знаками-символами.

Рассмотрим еще один пример очень репрезентативной развертки пространства личности в пространстве дома. В доме М.А. Трудовой из д. Горбачево Великоустюгского района Вологодской области на стене комнаты в одном ряду с самыми ценными вещами: старинной фотографией матери и отца хозяйки дома, ее собственным портретом и отрезанной косой (символом девичества), изображениями Николая Угодника и Богородицы, — висят куклы, оставленные приезжавшими на лето внуками (рис. 2). В этот ряд вполне вписываются большие настенные часы с маятником, составляющие центр всей композиции, стоящий под ними телевизор и большой календарь с изображением героев любимого телесериала («Санта Барбара»). Вся эта композиция очень интересна с точки зрения возможности ее символической интерпретации. М.А. Трудова пояснила, что данная композиция выполнена вместе ее внуками, приезжавшими к ней на отдых из Санкт-Петербурга и Екатеринбурга, а главной целью ее создания было украшение комнаты («для красоты»). То есть для хозяйки дома эта часть интерьера выполняет функцию символа-индекса, является оценочным показателем «степени красоты».

Внешняя интерпретация композиции позволяет взглянуть на нее несколько по-иному и дает основание считать ее сложным знаком-символом, соотносимым с пространством личности М.А. Трудовой. В ней присутствуют несколько соположенных семантических слоев, которые отчасти пересекаются и корреспондируют друг с другом. Так, обращает на себя внимание сочетание православных артефактов и личных реликвий. Хотя композиция вынесена за пределы красного угла и располагается слева от него, а, следовательно, каза-

Рис. 2. В доме у М.А. Трудовой (д. Горбачево Великоустюгского р-на Вологодской обл.).
Фото И.С. Слепцовой (2000)

лось бы, лишена сакрального статуса, для Марии Александровны представляется важным подчеркнуть ее включенность в круг домашних святынь. Этот статус обозначается изображениями Николая Угодника и Богородицы в левой части композиции и висящей рядом фотографией родителей. Правая сторона маркирована портретом самой Марии Александровны и помещенными в рамку фотографиями родственников, что подчеркивает принадлежность всей этой композиции к пространству личности хозяйки. Причем изображения родственников намечают пространственно-временную его ось (семейно-родовые связи) и сами по себе являются символами-индексами, в то время как личный портрет хозяйки, несомненно, является иконическим знаком. Очень важны в этом контексте символические функции кукол, принадлежавших внучкам М.А. Трудовой, — эти функции описаны нами в другой работе (Морозов 2002). Куклы выполняют также и иконическую функцию, являясь актуальным напоминанием о близких родственниках.

Важный элемент композиции — обретенная коса Марии Александровны, которая символизирует ее прошедшую молодость и является традиционным символом девичьей чести. Характерно, что коса прикреплена к рамке с фотографиями родственников, тем самым обозначая некое единство пространства личности хозяйки с культурным опытом данной семьи. В этой же части композиции находится календарь за 1995 г. с красочным постером, изображающим героев любимого сериала «Санта Барбара». К моменту съемки (2000 г.) данная вещь уже утратила свои практические функции, приобрела чисто символиче-

ское значение и играла примерно ту же роль, что и, например, картинки с героями 1812 г. в интерьерах крестьян XIX в.

В данном календаре можно усмотреть еще один символический смысл, который объединяет сразу несколько предметов данного коллажа: портреты родственников, портрет М.А. Трудовой в молодости, обрезанную косу и настенные часы, т. е. вещи, в той или иной степени связанные с обозначением «личного времени». Их можно назвать *динамической составляющей пространства личности*, материализованной историей личного жизненного опыта. Немаловажно, что композиция завершается обязательным атрибутом современного интерьера — телевизором, который расположен прямо под этими предметами. Телевизор, кроме чисто прагматических информационно-развлекательных функций, играет еще и роль своеобразного «домашнего оракула», виртуального «окна в мир иной». В традиционном быту, как известно, эти функции выполняет зеркало, которое в современных интерьерах, так же, как телевизор и куклы, ассоциирующиеся с близкими родственниками, может размещаться в красном углу. Телевизор напрямую связан с пространством и временем: по нему сверяют часы, узнают новости в стране и мире. Более того, он наделен способностью преодолевать пространственно-временные границы: с его помощью путешествуют по странам и континентам, знакомятся с жизнью и творчеством знаменитых людей прошлого, он выступает как канал связи с «иными мирами» и как их «хранилище». Знаки детства и юности, представленные в портрете хозяйки, в изображениях героев сериала и в куклах внушек, могут эксплицироваться и в соответствующем наборе передач. Вглядываясь в эту композицию, ее обладательница мысленно переносится в пространстве и времени, помещает себя в иные, в том числе и вымышленные обстоятельства или ситуации прошлой жизни, и это действие, несомненно, носит оттенок магического ритуала.

Отдельной интерпретации требует эстетический компонент данной композиции. Как уже было сказано, основным мотивом ее создания было украшение дома. Понятие «красоты» в данном случае необходимо рассматривать в контексте народной аксиологии. Т.И. Вендина указывает на две основных составляющих красоты в русской культуре (Вендина 2004). Одна из них соотносится с божественной, небесной красотой и связанными с ней сакральными локусами, например, иконным или *красным углом* (ср. «красный» как «красивый»). Вторая, «земная» составляющая красоты связана со значениями здоровья, молодости, радости, довольства, благополучия. В этом аксиологическом поле выделяются случаи использования слов *красивый* и *красота* в свадебной терминологии, для обозначения различных атрибутов девушки-невесты. В композиции М.А. Трудовой первый тип красоты представлен изображениями Николая Угодника и Богоматери, т. е. своеобразными визуальными репликами красного угла. Второй тип красоты репрезентируется косой (как «девчьею красотой»), украшенными бусами куколками (обычным атрибутом невесты), портретом самой Марии Александровны в молодости (поскольку *красота* — один из неперменных атрибутов юности). Эту семантику поддерживают и изображения героев сериала, воплощающие «идеальные образы» красоты. Еще одной составляющей является цветовая гамма композиции, в которой выделяются яр-

кие красные пятна тюльпанов на плакате слева, полотенце с красным орнаментом, красно-синяя лента в косе, розовые платья кукол, розовая прихватка для посуды, висящая в углу. Акцентирование оттенков красного цвета в контексте украшения дома становится понятным, если снова вспомнить народное значение слова «красный» — ‘красивый’.

Итак, как видим, семантика «красоты» на предметном уровне, несмотря на гораздо больший уровень абстрактности данного понятия, также имеет разные степени иконичности и наслаивается на иные семантические пласты, образуя с ними сложные символические конструкторы.

Пространство личности в интерьере: направления трансформации

В современных интерьерах получают отражение актуальные тенденции развития постиндустриального общества. Для них характерен высокий удельный вес социальных установок, внедряемых при помощи средств массовой культуры и коммуникации и формирующих своеобразные симулякры пространства личности не на основе личного опыта, а на основе информационно-художественных фикций. Современный интерьер можно рассматривать как свободно комбинируемое (Ж. Бодрийяр), по сути — игровое пространство. Обустройство интерьера в соответствии с собственными представлениями — одна из форм самореализации личности, доступная каждому в повседневной жизни. Индивид превращает свободно трансформируемое пространство дома в своеобразное «игровое поле», «театр для себя», в котором возможно любое перевоплощение и путешествие во времени.

Именно с этой точки зрения можно рассматривать попытку одной жительницы г. Нерехта Костромской области, проживающей в старом доме (ее семья занимает его с 70-х годов XIX в.), воссоздать в нем дореволюционный интерьер (рис. 3). Для этого она отреставрировала оставшуюся в доме старинную мебель и специально разыскивала различные предметы старого обихода. Даже новые предметы мебели, которые приходится покупать, хозяйка старается подобрать так, чтобы они не выбивались из общего ансамбля. Атмосферу старины создают также фотографии родных, сделанные до революции, картины местных художников и собственные вышивки в стиле модерн, образцы для которых взяты из журнала «Нива» и других изданий. В ее представлении, старый интерьер воплощает в себе идею стабильности и гармонии в противовес меняющейся и беспокойной современности, создает атмосферу уюта и защищенности. *«Мне с ней удобно, мне комфортно, она мне вот как душу греет <...> какая-то аура хорошая. Я вот вижу прелесть в том, в старом, а вот в этом [новом] я не вижу. <...> Мне так комфортно вот на этом старом диване, мне так комфортно в тех старых деревяшках. Очень комфортно, мне очень хорошо, спокойно, как со старыми своими знакомыми. <...> Мне кажется, в общем-то, у меня есть вот это вот, без ложной скромности, ощущение гармонии»* (И.С. Слепцова, личный архив, 2009). Дочь хозяйки дома совсем по-другому относится к этому интерьеру, ей ближе современный стиль, а старинную мебель она считает старьем, которое надо выбросить. Ее комната обставлена, в основном, новой мебелью.

*Рис. 3. В доме Е.П. Князевой (г. Нерехта Костромской области).
Фото И.С. Слепцовой (2009)*

В молодежных субкультурах любая вещь становится средством самопрезентации, выражая стремление индивида присоединиться к себе подобным (Ковалева, Луков 1998: 172–173). Интернет, позволяющий быстрый обмен личной информацией, увеличивает проницаемость пространства личности и открывает новые возможности для его формирования. Отметим, что наполнение молодежного интерьера часто диктуется предпочтениями, навязываемыми взрослыми. Именно поэтому дети и подростки так стремятся к обустройству личного пространства, будь то детская комната в квартире или пространство игрового дома. Хотя некоторые варианты «навязанных предпочтений» могут быть приняты индивидом и в дальнейшем стать неотъемлемым компонентом его пространства личности. В качестве примера приведем типичный образец оформления рабочего стола 16-летней девушки в комнате общежития Духовно-просветительского центра «Отрада» (г. Нерехта Костромской обл.) (рис 4).

Учитывая статус учреждения, вполне понятно обилие иконок и книг духовного содержания. Личные предпочтения выражаются в деталях оформления: многочисленных поздравительных открытках с «сердечками» и изображениями щенков и котят, в мягких игрушках, косметических принадлежностях. Мемориальная и коммуникативная функции репрезентируются в виде личных фотографий и фотографий родственников и друзей.

Рис. 4. Рабочий стол 16-летней учащейся Духовно-просветительского центра «Отрада» (г. Нерехта Костромской обл.). Фото И.С. Слепцовой (2009)

С появлением персональных компьютеров все большее значение приобретает виртуальный рабочий стол на мониторе, который окончательно нивелирует разницу между миром вещей и миром виртуальной реальности. Именно на рабочем столе Windows все чаще появляются фотографии близких родственников и друзей, любимые пейзажи и картинки, то есть то, что раньше было непременной составляющей интерьера, характеризующей пространство личности.

В качестве еще одного примера рассмотрим оформление рабочего стола и прилегающего к нему пространства комнаты 17-летней девушки из г. Нерехты (рис. 5). В данном интерьере в целом сохраняются основные компоненты, отмеченные нами в приведенных выше описаниях, а инновации связаны с появлением компьютера. Здесь присутствуют «знаки времени» в виде личной фотографии в детстве, календарей (и на текущий год, и давно просроченного, как и в предыдущих вариантах), расписания занятий, памятных подарков к разным датам, включая похвальную грамоту. Нет только часов, но они, несомненно, высвечиваются на мониторе компьютера, когда он включен. Мемориальный пласт воплощен также в сложенных стопкой фотоальбомах, которые заменяют композиции из фотографий родственников, висящих на стенах в традиционных интерьерах. Сакральный уровень представлен небольшими иконками, рас-

*Рис. 5. Рабочий стол 17-летней школьницы (г. Нерехта Костромской обл.).
Фото И.С. Слепцовой (2009)*

положенными над компьютером. К этому можно добавить стоящий рядом с монитором кактус, который, согласно современным суевериям, снижает уровень электромагнитного излучения, т. е. выполняет защитную функцию. Эстетическую нагрузку несут как висащие на стене постеры, так и многочисленные мягкие игрушки, украшенные кисточками, цветы, оставшаяся от новогодних праздников мишура. Цветовая гамма композиции выдержана в голубоватых тонах с отдельными яркими пятнами и сочетается с розоватым фоном обоев и штор. Коммуникативные функции предметной среды, в отличие от рассмотренных нами вариантов, где обязательным предметом был телевизор, проявляются в наличии компьютера и радиоприемника.

В современном обиходе проявляется и «идеологическая» составляющая медийного пространства, т. е. внешние установки, формирующие убеждения и предпочтения. Они обычно транслируются при помощи телевизора или видеомагнитофона (DVD-плеера) — аналогов зеркала, с которым человек постоянно сверяет свои внутренние установки, корректируя их в процессе созерцания. Привычка фиксации эпизодов повседневной домашней жизни или сценок семейного и коллективного досуга, постепенно укоренившаяся вместе с широким распространением видеокамер, цифровых фотоаппаратов и мобильных телефонов с возможностью видеосъемки, создает дополнительные возможности саморефлексии.

Заключение

Итак, можно констатировать, что при развертывании пространства личности в интерьере в одной и той же композиции происходит наложение разных семантических слоев: сакрального, мемориального, эстетического. При этом каждая из вещей может выступать в разных ипостасях. Часто эти функции являются символическими. Например, портреты и зеркало используются как мемориальные артефакты, фотографии родственников и близких выполняют функции напоминания и символической связи с отсутствующими или умершими. Зеркало же выступает как канал коммуникации не только с отсутствующими (например, в гаданиях и магии), но с самим собой в настоящем и в прошлом (заглядывая в зеркало, вспоминают, какими были в молодости). В этом контексте очень важна и роль часов как предметного символа времени, обозначающего временную ось пространства личности. По словам Ж. Бодрийера, «часы играют ту же роль во времени, что и зеркало в пространстве», являясь способом «укрошения времени», преодоления страха перед смертью (Бодрийер 1999: 28, 105–106).

Вещь в интерьере часто используется как коммуникатор, т. е. как способ установления связей с окружающим миром, хотя типы коммуникации могут быть разными. Например, зеркало активно используется при автокоммуникации, а фотографии, как и телевизор, телефон, книги, пластинки, диски, компьютер с его возможностями связи с миром, — в первую очередь, для коммуникации с окружающими.

При оформлении интерьера учитывается статусность и престижность вещи, т. к. обладание предметами роскоши и «добропорядочным домом» является средством самоутверждения и повышения самооценки и вызвано желанием выделиться среди окружающих, вызвать с их стороны подчеркнутое уважение и даже зависть. Для подчеркивания статуса используются выставляемые в интерьере семейные реликвии, ценные подарки, награды (грамоты, дипломы, ордена). Социально-престижную и эстетическую функции выполняют и иные предметы, характерные для городского дома: ковры, покрывала на кровати и накидки на подушки, лампы, парадная посуда, различные сувениры и безделушки. Необходимо подчеркнуть, что стремление к статусности часто приводит к *имитации*, т. е. к изготовлению самодельных копий престижных вещей. Причем отношение к интерьеру никогда не бывает индифферентным именно в силу того, что составляющие его предметы воспринимаются как «текст», который принимается или отторгается зрителем. Поэтому восприятие чужого интерьера всегда эмоционально окрашено.

Современные тенденции трансформации интерьера напрямую связаны с общим направлением развития постиндустриального информационного общества с его гипертрофированным вниманием к коммуникативным аспектам культуры. Знаковые функции предметов интерьера все чаще связываются с их способностью осуществлять коммуникацию. Можно сказать, что в рамках этой тенденции постепенно утверждается *примат коммуникативного статуса вещи*.

Литература

- Бартенев И.А., Батажкова В.Н.* Русский интерьер XVIII–XIX веков. М.: Сварог и К, 2000.
- Беловинский Л.В.* Изба и хоромы: Из истории русской повседневности. М.: Профиздат, 2002.
- Бергер П., Лукман Т.* Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: Academia-Центр; Медиум, 1995.
- Богданова Н.М.* Фотография как инструмент социологического анализа практик конструирования визуальной самопрезентации // Журнал социологии и социальной антропологии. 2012. 2. С. 98–113.
- Бодрийяр Ж.* Система вещей. М.: РУДОМИНО, 1999.
- Вендина Т.И.* Прекрасное и безобразное в русской традиционной духовной культуре // Логический анализ языка. Языки эстетики: Концептуальные поля прекрасного и безобразного / Отв. ред. Н.Д. Арутюнова. М.: Индрик, 2004. С. 143–161.
- Демиденко Ю.Б.* Интерьер в России: Традиции. Мода. Стиль. СПб.: Аврора, 2000.
- Журавлев А.Л., Купрейченко А.Б.* Социально-психологическое пространство личности. М.: Институт психологии РАН, 2012.
- Зиммель Г.* Мода // *Зиммель Г.* Избранное. Т. 2. Созерцание жизни. М.: Юрист, 1996. С. 268–269.
- Козырьков В.П.* Социокультурные модели дома // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Сер. Социальные науки. 2006. 1. С. 219–227.
- Ковалева А.И., Луков В.А.* Социология молодежи. Теоретические вопросы. М.: Социум, 1998.
- Кулакова И.П.* История интеллектуального быта и российская традиционная культура: кабинет отца во впечатлениях детства (XVIII – начало XX в.) // Какорея: Из истории детства в России и других странах. Сб. статей и материалов. М.; Тверь: Научная книга, 2008.
- Левин К.* Теория поля в социальных науках. СПб.: Речь, 2000.
- Махлина С.Т.* Повседневность в зеркале жилого интерьера. М.: Алетейя, 2012.
- Морозов И.А., Слепцова И.С.* «Пространство личности» и пространство игры: ситуативный анализ // Ситуативная адекватность. Интерпретация культурных кодов: 2009 / Сост. и общ. ред. В.Ю. Михайлина. Саратов; СПб.: ЛИСКА, 2009. С. 108–139.
- Морозов И.А.* Кукла в современном обиходе (полевое исследование эволюции статуса вещи) // Актуальные проблемы полевой фольклористики. 2002. Вып. 1. С. 53–68.
- Моррис Ч.У.* Из книги «Значение и означивание»: знаки и действия // Семиотика: антология / Сост. и общ. ред. Ю.С. Степанова. Изд. 2, испр. и доп. М.: Академический Проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2001. С. 45–97, 129–143.
- Нартова-Бочавер С.К.* Психологическое пространство личности. М.: Прометей, 2005.
- Нуркова В.В.* Зеркало с памятью: Феномен фотографии. Культурно-исторический анализ. М.: РГГУ, 2006.
- Пирс Ч.С.* Избранные философские произведения. М.: Логос, 2000.
- Разова Е.Л.* Дом. Экзистенциальное пространство человека // Vita Cogitans: Альманах молодых философов. Вып. 1. СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2002. С. 206–220. [<http://anthropology.ru/ru/texts/razova/index.html>].
- Разумова И.А.* Потаенное знание современной русской семьи. Быт. Фольклор. История. М.: Индрик, 2001.

Морозов И.А., Слепцова И.С. Конструирование персонального пространства...

Слепцова И.С. «Живой» дом: отражение пространства личности в современном интерьере // Традиционная культура. 2011. 2. С. 43–55.

Соколова Т.М., Орлова К.А. Глазами современников: Русский жилой интерьер первой трети XIX в. Л.: Художник РСФСР, 1982.

Стабина Н.Ю. Значение дома как жизненного пространства личности // Вестник практической психологии образования. 2010. 1 (22). Январь-март. С. 50–56.

Тыдман Л.В. Изба. Дом. Дворец: Жилой интерьер России с 1700 по 1840-е годы. М.: Прогресс-Традиция, 2000.

Хейдметс М. Феномен персонализации среды: теоретический анализ // Средовые условия групповой деятельности. Таллин: ТПедИ, 1988. С. 7–57.

Шкуратова И.П. Личность и ее жизненное пространство // Психология личности. Учебное пособие / Ред. П.Н. Ермаков и В.А. Лабунская. М.: ЭКСМО, 2007. С. 167–184.

Шпаковская Л.Л. Общественная ценность антиквариата // Социологический журнал. 2000. 1–2. С. 66–78.

Щеглова С.Н. «Своя» комната как артефакт молодежной субкультуры // Социологические исследования. 2003. 3. С. 119–122.

Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию. СПб.: ТОО ТК «Петрополис», 1998.